

АЛЕКСАНДР МАРКОВ*

ДА, ЭТО ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ**

ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИИ

Юнусов А. Т. «Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля // *Историко-философский ежегодник*. — 2018а. — Т. 33. — С. 361–385

Гринцер Н. П., Щервакова Е. А. АРИСТОТЕЛЬ. МЕТАФИЗИКА. ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИЙ А. В. МАРКОВА. М., 2018 // *Вестник древней истории*. — 2019. — Т. 79, № 1. — URL: <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (ДАТА ОВР. 26 МАЯ 2019)

Гараджа А. В., Протопопова И. А. «Что-то смешное на нас напало» : о новом переводе платоновского «Пира» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2019. — Т. III, № 1. — С. 265–285

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-253-273.

Если даже не столкнувшись сейчас, в скором времени философия в России столкнется по меньшей мере с тремя вызовами, каждый из которых относится к проблеме перевода классических источников настолько прямо, как, кажется, никогда прежде. Первый вызов — интернационализация российского образования, так что вслед за стандартом англоязычного академического письма, во всяком случае, в естественных науках, придет и англоязычная аналитическая философия, непременно входящая в инфраструктуру этого письма способами построения аргумента, так что даже если не будет введено в учебные планы англоязычное преподавание философии, включая чтение и комментирование классических философских источников по-английски, русские переводы Платона и Аристотеля в России все больше будут уступать место английским. Второй вызов — развитие автоматического и автоматизированного перевода на основании технологий искусственного интеллекта. Такой перевод не хуже человека справляется с грамматикой, различая подлежащие и сказуемые с наименьшим числом ошибок, так что задачей переводчика оказывается скорее вскрытие философских проблем, которые никак не связаны с грамматическим строем отдельного языка.

*Марков Александр Викторович, д. филол. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), markovius@gmail.com.

**© Марков, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Третий вызов — растущий интерес к философии в медийном поле, требующий перевода не только языка на язык в привычном понимании, сформированном языками индоевропейской семьи и их грамматической логикой, но и переводов на «языки» визуального опыта (эмоджи, уличное искусство, визуальные медийные искусства, кинематограф). Это повлечет за собой переселение философии в целые миры (например, мир японского аниме и манги или какую-то из «вселенных»), и границы грамматики для каждого такого переноса надо будет устанавливать заново, приводя научные аргументы, а не обращаясь к бытовому опыту понимания.

В авторитетных российских научных изданиях вышли рецензии, посвященные выполненным А. В. Марковым переводам «Метафизики» Аристотеля (Юнусов, 2018а; Гринцер, Щербакова, 2019) и «Пира» Платона (Гараджа, Протопопова, 2019). Все названные рецензенты глубоко разочарованы работой А. В. Маркова: первые страницы всех трех рецензий посвящены анализу изданий как книг, с точки зрения предисловия, комментариев, примечаний и вообще научного аппарата. По нашему мнению, простое указание «литературно-художественное издание» в выходных данных обеих книг уже регламентирует, что находится в предисловии, а что — в необходимо кратчайшем аппарате. Можно было бы обратиться к ближайшим аналогам таких изданий, например, к советской серии «Классики и современники» издательства «Художественная литература», и указание на эти серии дало бы достаточно полное представление об издательских проектах А. В. Маркова.

Переводчик Аристотеля, как и любого другого классического автора, стоит всегда перед дилеммой: либо воссоздавать мысль Аристотеля с помощью огромного, но всегда недостаточного аппарата комментариев «что это тогда значило», ведя читателя в неизбежно реконструируемое и аффективно переживаемое прошлое, либо актуализировать эту мысль, показывая, что она значима в современных философских дискуссиях, что эта мысль не устаревает, и Аристотелю есть что сказать и в наши дни. А. В. Марков, судя по всему, — радикальный сторонник второй стратегии, вплоть до полного отказа от комментирующих примечаний: Аристотель у него должен звучать так же современно, как переведенные с английского стихи или графический роман. Оппоненты А. В. Маркова допускают только первый вариант, что прямо следует из предлагаемых ими вариантов перевода. Предложенные как альтернатива критикуемым переводам варианты, вроде «мы видим, что опытные преуспевают [в практических делах] более, чем те, кто, не имея опыта, обладает лишь

понятиями» (Юнусов, 2018а: 372), или «[деятельная и страдательная возможности различны в том отношении], что одна, т. е. страдательная, находится в претерпевающем [...] другая (деятельная) — в действующем: теплота и умение строить заключены одно в том, что может жечь, другое — в строителе» (Гринцер, Щербакова, 2019), или «есть ведь те, кто душами вынашивают даже больше, чем телами, то, что душе пристало и вынашивать, и рожать» (Гараджа, Протопопова, 2019: 273) невозможны в русском литературном языке хотя бы потому, что в них нарушены нормативные для русского языка и наших привычных рассуждений правила противопоставления. Невозможно противопоставление «опытные / те, кто не имея опыта», но только «опытные / неопытные»; или «находится в претерпевающем / находится в действующем», так как слово «находится» будет значить в первом случае «помещено», а во втором — «действует»; или «вынашивают душами / вынашивают телами», потому что явно вынашиваются разные вещи, а значит, сопоставление невозможно, и получается очередное сопоставление «идут дождь и два студента, один — в университет, другой — в галошах». Радикальный модернизм А. В. Маркова может вызывать какие угодно протесты, но там такие нарушения логики противопоставления найти трудно.

Впрочем, во всех трех рецензиях, несмотря на их как бы консерватизм, есть явная модернизация смысла, заложенного Аристотелем. Например, А. Т. Юнусов возмущается тем, что «искусство» у А. В. Маркова может переводиться как «изготовление вещей», ссылаясь на то, что в мире Аристотеля существуют математические искусства (Юнусов, 2018а: 370), которые как бы вещей не изготавливают. Но рецензент явно переносит на античное понимание математики современное абстрагирующее, хотя ясно, что для любого античного мыслителя линия или умножение были вполне вещами. Или предложение Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой переводить рассуждение Аристотеля о древних мудрецах как «те, кто вместе с нами уже держал совет по этому вопросу» соответствует современным представлениям о «республике ученых», объединяющей усопших и живых, но никак не представлениям Аристотеля, для которого эти мудрецы непроходимой гранью отделены от современности и могут разве что нам поспособствовать в наших рассуждениях. Или А. В. Гараджа и И. А. Протопопова требуют выдерживать любыми средствами оппозицию прекрасное / безобразное, игнорируя акцентированные А. В. Марковым нюансы оппозиции привлекательное / позорное (Гараджа, Протопопова, 2019: 275), хотя оппозиция прекрасного и безобразного была утверждена окончательно только в эстетике Шефтсбери и Канта,

а этические ее импликации стали восприниматься как самоочевидные еще позднее, тогда как текст Платона скорее подразумевает аффекты, а не ту отрешенную оценку, которая стала возможна только в «классицистской» философии. Таких примеров скрытой модернизации можно приводить много, но разумнее обратиться к тому, что подкупает любых читателей рецензии — утверждение, что А. В. Марков, наверное, плохо знает грамматику, плохо переводит и, значит, не дает возможности читателю почувствовать логику переводимого автора.

Действительно, во всех трех рецензиях значительное место занимает грамматический аргумент, указание на то, что если «неправильно» передается грамматика исходного текста, то нельзя говорить и о передаче семантики и философской глубины переводимых авторов. Грамматический детерминизм рецензентов, скорее всего, будет поддержан большинством читателей, для которых понятия «грамотный» и «компетентный» стоят близко до неразличимости. Вместе с тем, если мы хотим оставаться в пределах легитимной аргументации, то опора на поддержку большинства читателей еще не будет последним словом в споре о том, насколько глубинное содержание того или иного философа передается прежде всего точным воспроизведением грамматики исходного текста.

Но перевод осуществляется не только с языка на язык, но и со смысла на смысл. Например, представим сцену: за мальчиком бежит собака (А). Рядом с этой сценой А расположим несколько фраз:

- (а) собака бежит за мальчиком;
- (б) мальчик бежит от собаки;
- (в) за бегущим мальчиком гонится собака;
- (г) бег мальчика направлен от бегущей собаки.

Очевидно, что все четыре фразы соответствуют сцене А, данной на рисунке или видео. Вместе с тем, если руководствоваться грамматическим аргументом, то переводом фразы (а) будет только перевод (а) или (б), так как мы заучили то свойство индоевропейских языков, что субъект активного залога может стать объектом пассивного залога («я пью воду» — «вода „пьется“ мной»), без учета других семейств языков. Если допускать художественный перевод, то фразу (а) передает фраза (в), тогда как фраза (б) представляет собой внесение тех модальностей (воли мальчика, начала движения), которые диктуются свойством данного языка и потому искажают перевод. Наконец, вариант (г) сторонниками грамматического аргумента будет признан однозначно искажающим оригинал (а) из-за того, что подлежащее и сказуемое как бы поменялись местами с точки зрения бытового восприятия, хотя именно он передает

наибольшее число смыслов (а), так как в (б) неясно, бежит ли сама собака (может, она стоит), а в (в) неясно, где кончается временная связь и начинается причинная. Во всех трех рецензиях по большей части встречаются случаи, когда переводчик предлагает (г) или реже (в), а рецензенты настаивают только на (а) и (б).

Общее всех трех рецензий также — страстная заинтересованность в предмете, повышенная с самого начала эмоциональность, явно противоречащая обычному образу бесстрастности античного философа, но очевидная уже с первых строк и неизменная до последней точки. Так, уже в первой фразе рецензии Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой сказано о неперенном «трепете», который должны испытывать исследователь и читатель даже при обращении к «Метафизике» (правда, происходит ли что-то с этим трепетом в ходе чтения, не раскрыто), а А. В. Гараджа и И. А. Протопопова в первом абзаце говорят о множестве эмоций и реакций, которые они испытывали при чтении «Пира» в переводе А. В. Маркова, из которых одни побеждали, а другие проигрывали, представляя почти картину античного стадиона в начале и конце соревнований. Такая риторическая смелость вполне коррелирует у противников переводов А. В. Маркова со смелостью передачи философского аргумента, вроде: «Правильный перевод фразы должен быть таким: „приобщенное к единому претерпело единство в результате приобщения и испытало становление единым“» (Месяц, 2018: 32) — признаюсь, как неспособный представить ни «претерпевание единства», ни «испытание становления единством», я могу только восхититься храбростью философской речи, превышающей среднее человеческое воображение.

Мы убеждены, что логика философского рассуждения — это прежде всего аффективная, а не дискурсивная логика. Философ сначала захватывает воображение читателя, а потом уже вместе с ним вырабатывает дискурсивное разделяемое обоснование тех или иных положений. В противном случае не было бы спора философских школ античности или спора континентальной и англо-американской философии, длящегося уже много десятилетий, но все бы приняли оправданность дискурсивных положений как необходимо разделяемый опыт. Проблема в том, что оппоненты А. В. Маркова вполне аффективны, тогда как сам А. В. Марков стремится продумать, как и при каких условиях данный текст будет философски истинным, а не только впечатляющим читателей, поддержавших оппонентов А. В. Маркова большим количеством просмотрев рецензий.

Во многих случаях рецензенты говорят не только о своих пережитых эмоциях или нормативных эмоциях, но и об эмоциях различных возможных групп читателей Аристотеля, что представляется ключевым в создании критической убедительности. Так, А. Т. Юнусов пишет:

Популяризаторский эффект издания Маркова может быть только самым сокрушительным. Человек, впервые знакомящийся с Аристотелем по этому изданию, может подумать, что мысль Аристотеля действительно представляет собой ту бессвязную словесную жижу, которая получилась у Маркова. Кого-то это навсегда оттолкнет от Стагирита. Те, кто решит продолжить знакомство с Аристотелем, очень скоро поймут, как они были обмануты. Те же, кто ограничится чтением Аристотеля по Маркову, останутся с превратным впечатлением о том, что вот это и есть античная философия (Юнусов, 2018а: 382–383).

Нам не известно никаких исследований по читательской рецепции переводов А. В. Маркова, таким образом, тезисы приведенной цитаты не подтверждены научной проверкой. Вместе с тем, риторически это рассуждение построено очень искусно. В начале идет фигура обобщения, «человек, [...] знакомящийся с Аристотелем», хотя ясно, что даже в группе «читатели, впервые прочитавшие „Метафизику“ в переводе А. В. Маркова» все знакомятся очень по-разному, и ждут от текста разного. Фигура обобщения сменяется фигурой олицетворения, мы должны вообразить «кого-то», кого перевод оттолкнул от Аристотеля, причем вроде бы единственное число говорит об исключении (остальных читателей А. В. Марков от Аристотеля не оттолкнет), но так как олицетворение — более яркая фигура, то читателю рецензии внушается мысль, что перевод отталкивающий. Наконец, вводится фигура неустойчивого противопоставления, «те, кто [...] / те же, кто [...]», при этом первые, разоблачившие обман, представляются как положительный пример, а вторые — как отрицательный, и тем самым перед читателем рецензии уже разворачивается картина не индивидуальных, а социальных эффектов перевода. Перед нами отличный пример риторической аргументации, от обобщения к олицетворению и противопоставлению, очень зрелищный и эффектный, но который мы затрудняемся признать философской аргументацией. Вообще, риторические элементы во всех трех рецензиях настолько обильны, что даже кажется, что рецензируется перевод не Платона и Аристотеля, но Демосфена или Цицерона, скажем, встречаются такие мощные риторические приемы, как эпидиктическое создание мнимой ситуации, как то в утверждении, что

можно было бы «записать переводчику в плюс» не-обращение к переводам на европейские языки (Гараджа, Протопопова, 2019: 269), хотя это можно записать в плюс только на воображаемом уроке греческого языка; или эмфаза, причем обратимая, особенно частая в рецензии Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой, скажем, сводящая семантику affection как перевода греческого ἀγάπησις к русскому «любовь» и наоборот. Эффектное сужение значений слов в трех языках относительно друг друга сразу внушает читателю рецензии мысль о власти рецензентов над языками, обеспечивая им риторический триумф. Равно как такой же эмфазой является утверждение этих же рецензентов, что φορτικός якобы нельзя понимать в смысле «насильственно», потому что это слово принадлежит семантическому полю тяжести, но тут же они, приводя примеры, сами устанавливают, что это семантическое поле скорее грубости, чем тяжести, но почему-то не считают грубость относящейся к насилию. Вероятно, именно этим представлением, что грубость не причинит никакого вреда и не заденет, и объясняются некоторые особенности полемики со стороны иных противников переводов А. В. Маркова, к которым названные пять рецензентов, к счастью, не относятся.

Задача талантливой не только в риторике, но и в философской проницательности работы А. Т. Юнусова выходит за пределы обычной рецензии: уже в аннотации (Юнусов, 2018а: 361) рецензент говорит о главном выводе из своей работы: издание А. В. Маркова (Аристотель, 2018) таково, что «зачастую оно даже не представляет собой связный текст». Оценка связности или не связности текста обычно не входит в задачу рецензента, так как требует введения разделяемых критериев связного текста, если же связность понимается не в лингвистическом, а в бытовом смысле («несвязный» текст как синоним «конспективный», «сумбурный», «плохо вычитанный редактором» и т. д.), то это может быть промежуточным аргументом, но не окончательным выводом. Получается, что при всей добросовестности А. Т. Юнусова цель повисает в воздухе, тем более что о связности текста он дальше говорит только два раза, и оба раза не в связи с итоговым тезисом: первый раз, — замечая, что «серьезного урона связности текста это [вольное обращение с синтаксисом] не наносит» (Юнусов, 2018а: 369–370), а второй раз, — характеризуя текст как «бессвязную словесную жижу» (там же: 381). Очевидно, что ни читательское наблюдение в первом случае, ни экспрессивная оценка во втором не раскрывают понимание рецензентом связности текста. Замечу, кстати, что на молекулярном уровне жижа

связана ближним порядком молекул. Но самое странное — это отождествление издания с текстом, вопреки заявленному в начале аннотации намерению рассмотреть издание как реальность, отличающуюся от просто бытования текста, а именно принципы и цели издания. Нельзя сказать «принципы текста», тогда как «цель текста» можно сказать, но с оговорками, что речь идет не о тексте как таковом (его *meaning*), а о его осмысленности (его *sense*), но А. Т. Юнусов нигде в своей работе, насколько мы можем судить, не проводит такого различия ни открыто, ни скрыто.

Структура рецензии А. Т. Юнусова, если не считать краткой преамбулы, трехчастная, сразу напоминает о квалификационных работах с необходимыми «Введением», «Основной частью» и «Заключением». Близость структуры рецензии структуре квалификационной работы усиливается тем, что в первой, вводной, части нет никакого анализа, а есть только сбор материала, а в последней части подводятся итоги сказанного в приложении к практике, в данном случае, — практике издательского дела. Основная часть посвящена разбору первой главы первой книги «Метафизики» в переводе А. В. Маркова как примера «репрезентативной выборки» (Юнусов, 2018а: 368). Само понятие «репрезентативная выборка» удивляет: если единственной задачей автора, как не раз заявлено в основной части, является демонстрация крайне низкого качества перевода, то гораздо лучше подошел бы статистический анализ более крупной выборки, а если автор решает и какие-то философские задачи, показывая, каким не должен быть философский перевод, то выбор начала «Метафизики» никак не мотивирован.

Вводная часть представляет собой аргументативный опыт, а именно косвенное обсуждение условий, при которых перевод античной философской классики может состояться. Аргументацию А. Т. Юнусова нельзя определить как философскую: автор не говорит ни об условиях бытования философского текста, ни о том, какие приемы или решения позволяют воспринимать текст как философский. Это явно наносит ущерб аргументации: рецензент несколько раз переопределяет ключевые для его аргументации понятия, что при первом чтении можно не заметить. Приведем один пример: понятие «современный русский язык» (там же: 365). Сначала современным языком А. Т. Юнусов называет язык, лишенный архаизмов, и торжествует, находя архаизмы. Далее он сближает «современность» языка с «богатством» и «точностью», иначе говоря, проводя границу не стилистическую, а содержательную. Наконец, на той же странице современный русский язык — это язык

без странностей, например, без разговорных оборотов, и здесь уже граница оказывается социальной, современный язык оказывается языком хорошего общества. На каждом из этапов А. Т. Юнусов порицает по-новому переводческие решения А. В. Маркова, приписывая ему те определения современного русского языка, которых у самого А. В. Маркова нет. Мы можем назвать такой способ полемики не философским, а софистическим: софист всегда развивает учение о речи, постоянно переопределяя речь то как эстетический, то как интеллектуальный, то как социальный феномен, и тем самым увлекает слушателя, соглашающегося с выгодной софисту социально-политической программой как чем-то, само собой разумеющимся. Poleмика философская потребовала бы, если мы признаем современный язык не очищенным от архаизмов, но, напротив, богатым, признать архаизмы А. В. Маркова законными, а если мы признаем его языком хорошего общества, то достаточно было бы утверждения, что язык А. В. Маркова не является языком хорошего общества.

Критика А. Т. Юнусова, бесспорно, основана на очень хорошем знании греческого языка и наследия Аристотеля. Многие в тексте А. В. Маркова законно вызывает возмущение рецензента — действительно, строй фраз у переводчика часто не сохранен, а некоторые лексические решения можно назвать провокационными. Многие замечания по тексту заставляют задуматься и по крайней мере предложить свой вариант, или даже вернуться к варианту Кубицкого, но при этом осознавая, что такое удалось именно потому, что мы держим в уме мысль Аристотеля и на нее нанизываем формулировки перевода. Эта критика, в целом блестящая, иногда злоупотребляет смешением бытового и научного смысла слова: скажем, понятие «аграмматичный», применяемое к фразам перевода А. В. Маркова, взято из генеративной лингвистики, но генеративная лингвистика никогда не считала аграмматичные фразы бессмысленными, квалифицируя их вполне определенным образом, тогда как А. Т. Юнусов, судя по всему, требует понимать «аграмматичный» в бытовом смысле, скорее как «полностью безграмотный», и, значит, опять же в бытовом смысле бесполезный и бессмысленный. Но главный недостаток критики А. Т. Юнусова, по нашему мнению, заключается в том, что вопрос о передаче лексики и синтаксиса рассматривается в рецензии автономно от задачи Аристотеля обучить отвлеченному мышлению, а значит, употреблять семантику и синтаксис лишь постольку, поскольку они достигают этой цели.

Вообще, литературная или грамматическая (памятуя, что слово «литература» переводит греческое «грамматика») критика всегда рискует стать софистической, так как она говорит об автономном создании смыслов правильно выстроенным текстом, а, значит, может легко породить софистический ход, как только мы квалифицируем какой-то текст как «неправильный» и начинаем выстраивать «правильный» вариант того же текста, тем самым вовлекая читателя в причастность этого как бы гарантированно правильно созданного смысла. Схематически софистическую критику можно представить так. Сначала указывается на то, что данный перевод ошибочен, потому что не соответствует духу, стилю или общему смыслу оригинала. Читатель собирается обратиться к оригиналу, чтобы выяснить, нарушает ли перевод дух оригинала. Но тут софистическая критика незаметно вводит следующий аргумент: не сам перевод, а те интеллектуальные выводы, которые мы сделаем из перевода, будут нарушением смысла оригинала. Читатель уже не думает о том, по каким критериям сопоставлять оригинал и перевод, но сразу же задумывается об интеллектуальных содержаниях, чтобы почувствовать себя интеллектуалом. Наконец, софистическая критика окончательно ловит читателя, сообщая ему не просто интеллектуальную, а привилегированную позицию, говоря, что он знает законы культуры, которых не знает критикуемый автор или переводчик, а, значит, обладает культурным преимуществом и должен ощутить себя в одной привилегированной культуре вместе с критиком.

Сразу следует признать, что в софистической критике нет ничего незаконного, более того, она вполне может быть справедливой. Но у нее есть один недостаток: она в принципе не способна показать ту критическую работу по переопределению и уточнению понятий, часто поверх синтаксиса, через сложный диалог, парадоксы, оспаривание себя в еще недоговоренной фразе, которую и осуществляла отталкивавшаяся от софистики философия Сократа, Платона и Аристотеля. Ограничения такой софистической (литературно-философской) критики показывает и прекрасное исследование (Месяц, 2018), созданное внутри той же философской программы, что и рассматриваемая рецензия: С. В. Месяц в качестве исходной точки рассуждений о задачах философского перевода принимает диспозицию стратегий в советском художественном переводе 1930–1960-х годов (И. Кашкин, К. Чуковский, С. Маршак) и специфицирует философский перевод только как уточнение смысла сказанного, причем уточнение, конструирующее дело философии, а не продолжающее его: «В переводе есть только то, что вложил в него

переводчик: ни больше и ни меньше» (Месяц, 2018: 19). Опять же, нет никаких оснований утверждать, что программа С. В. Месяц не может принести такую удачу, в сравнении с которой любые альтернативные переводческие программы окажутся неудачей, но просто речь о том, что конструктивизм и литературоцентризм такой позиции не дают, как нам кажется, рассмотреть усилия перевода, выполненного как критика критики, как деконструкция, — подхватывающая критический пафос философии, а не фиксирующая его.

Такую софистическую тактику А. Т. Юнусов избирает, когда ему требуется доказать ключевое положение: перевод А. В. Маркова несостоятелен, потому что неверно передает грамматический строй исходного текста. Грамматический аргумент, как мы уже сказали — всегда один из самых сильных из-за способности речи быть социальным маркером. Но всякий раз, когда А. Т. Юнусов объявляет, что нашел грубую грамматическую ошибку, он, вероятно, несколько раз перекодирует статус грамматики. Так, часть замечаний рецензента касается превращению безличных конструкций в личные, по образцу «можно считать, что этот человек сильный» — «этот человек считается сильным». Но аргументация А. Т. Юнусова радикально меняется в пространстве нескольких фраз. Например, рецензент порицает передачу конструкции «иметь представление [...] а [иметь представление], что для определяемых одним видом» через «мы исходим [...] мы определяем для такого-то вида» как недопустимую вольность и грамматическую ошибку: не мы определяем, а вещи определяются, разная семантика «определения». При этом «определяем» перевода А. В. Маркова, вероятно, он понимает в смысле «назначаем», как назначают лекарство, и должен был бы считать это лексической, а не грамматической ошибкой. Но также в аргументации он дважды меняет позицию от эстетической к интеллектуальной, и от интеллектуальной — к социально-политической (Юнусов, 2018а: 372). Сначала он отождествляет форму с грамматической позицией грамматической же формой: «Глагола „определяем“ в этой форме в оригинале нет», хотя его нет не только в этой форме, но и нет в оригинале вообще, учитывая, что «определены» далее А. Т. Юнусов требует понимать без всякого предикативного смысла, как «ограничены», вероятно, в пространстве. Иначе говоря, форма появилась там только как стремление указать на то, что все должно быть на месте. Но через две фразы А. Т. Юнусов пишет: «Соответствующего ἀφορισθεῖσι слова нет на своем месте в русском тексте; вместо него встречается отсутствующий в греческом

глагол в личной форме с тем же значением». Но он сам в своем варианте настаивал, что это «слово» ни в коем случае не глагол, и что оно не может иметь семантики определения, но только отграничивания, а теперь оно оказывается «с тем же значением», иначе говоря, интеллектуальный критерий оценки пришел на смену формальному. Наконец, А. Т. Юнусов приходит к заключению: «Если эта догадка верна, то очень похоже, что Марков не способен опознать в греческом тексте базовые грамматические формы», что представляет собой доказательство через не доказанный еще тезис, но, так как оппоненту приписывается неспособность опознания, а не ошибка как таковая, то перед нами софистический ход — критика не интеллектуальных, а чувственных способностей оппонента с целью подчеркнуть его варварство.

Другой пример: А. Т. Юнусов комментирует перевод простой фразы: «Перевод фразы τὴν τέχην τῆς ἐμπειρίας ἡγοούμεθα μᾶλλον ἐπιστήμην εἶναι как „мы относим искусство к знанию, а не к опыту“ грамматически невозможен. Верный перевод: „мы считаем, что искусство в большей степени, нежели опыт, является знанием“» (Юнусов, 2018а: 377–378). На самом деле, А. В. Марков и А. Т. Юнусов говорят об искусстве в разном смысле: А. В. Марков — как о понятии, которое нужно соотносить с другим понятием и дистанцировать от третьего, поэтому в переводе А. В. Маркова и исчезла сравнение «в большей степени» — это сравнение осуществляется самими действиями над понятиями; А. Т. Юнусов понимает искусство и опыт как некие факты, которые надо оценить с точки зрения их когнитивной мощи. Но у Аристотеля здесь не оценка, а предикация, он действительно предикцирует искусство и опыт как знания, а не уточняет определения искусства и опыта через знание: определение идет далее, что одни умеют учить, а другие не имеют. У Аристотеля в его рассуждении присутствует строгая последовательность: сначала признак (σημεῖον), потом предикация, а потом уже определение. А. Т. Юнусов, возможно, прекрасно сознает эту особенность рассуждения Аристотеля, учитывая его прекрасную работу о предикации в гипотезе в логических трудах Аристотеля (Юнусов, 2018b), но в ходе полемики никак к ней не обращается. Опять мы встречаем софистический ход: сначала рецензент говорит о принудительности грамматики для любых семантических решений у Аристотеля, затем рассуждает в рецензии о том, что Марков неправильно понимает логическую конструкцию, иначе говоря, переводит вопрос от семантического производства к логической формализации, которую читатель легче поймет и согласится с рецензентом, и, наконец, он заканчивает, как всегда, указанием на

то, как в греческом языке сравнительные обороты всегда выражаются очевидным образом и значат что-то очевидное независимо от того, какие проблемы ставит или не ставит философ.

В некоторых случаях А. Т. Юнусов приписывает тексту Аристотеля дилеммы, которых в оригинальном тексте нет. Например, порицая перевод «мудрость приобретается не от разных работ», А. Т. Юнусов замечает, что А. В. Марков «возможно, [...] не видит разницы между вопросами „как приобретается мудрость“ и „в чем состоит мудрость“». Такая разница, однако, есть» (Юнусов, 2018а: 378). Но во фразе Аристотеля не ставится вопрос, в чем состоит мудрость, а говорится только о том, каких людей можно назвать по-настоящему мудрыми. В других случаях А. Т. Юнусов видит ошибку в парафразе и удивляется ей, например, он пишет:

Переводить $\theta\epsilon\rho\alpha\pi\epsilon\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \tau\acute{\omicron}\ \kappa\alpha\theta'\ \xi\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ как «лечим мы каждый раз разное» — значит не понимать, о чем идет речь. Аристотель говорит, что мы лечим «единичное» — Сократа и Каллия, а не человека вообще, — а вовсе не что объекты нашего лечения всегда различаются. Сам же Марков всего несколькими строками выше дважды переводил $\tau\acute{\omicron}\ \kappa\alpha\theta'\ \xi\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ более-менее правильно как «отдельные вещи» и «отдельные события». И вдруг — «каждый раз разное». Учитывая, что $\tau\acute{\omicron}\ \kappa\alpha\theta'\ \xi\kappa\alpha\sigma\tau\omicron\nu$ — одна из самых частых технических формулировок в философии Аристотеля, я не могу понять, как в тексте могла возникнуть подобная ошибка (там же: 374).

Очевидно, что разное каждый раз — синоним единичного, так что упрекнуть в ошибке здесь невозможно, «человек вообще» разным быть не может. Но для А. Т. Юнусова софистический ход, возможно, важен (хотя доказательств этому не имеем): в первой фразе он говорит о непонимании переводчиком смысла, приписывая Аристотелю проблематику «объекта лечения», которой у Аристотеля нет, иначе говоря, сначала пытается установить некоторый аристотелевский стиль мысли, в котором есть место Сократам и Каллиям, но нет места структурам различий. Но потом А. Т. Юнусов от требований стиля переходит к интеллектуальным требованиям, а именно к исключительно терминологическому различению «отдельного» и «разного» независимо от того, каков контекст сказанного во фразе, и понимание Аристотеля возникает тогда из некоторой интеллектуальной медитации, а не из следования аристотелевскому стилю мысли. Наконец, рецензент в конце дает фразу опять же с целью доказать варварство оппонента: культура поддерживает себя благодаря частотности и воспроизводимости своих формулировок,

и если кто-то их не усваивает или не чувствует, то тогда он или она не принадлежат культуре.

Наконец, в рецензии есть случаи, когда А. Т. Юнусов, справедливо указывая на вольность перевода А. В. Маркова, предлагает вариант, несколько затемняющий смысл. Например, А. Т. Юнусов пишет:

Перевод ἄλλ' ἢ κατὰ συμβεβηκός как «разве что словом *человек* мы будем обозначать свойства» одновременно ошибочен и лишен смысла. Это типичнейшее аристотелевское выражение означает «разве что акцидентальным образом» (Юнусов, 2018а: 373).

Но тогда мы получаем бессмысленный перевод: «Врач лечит человека разве что акцидентальным образом», так нельзя сказать по-русски, и даже если сказать, то это будет бессмысленно. Правильно было бы сказать что-то вроде: «Врач не лечит человека вообще, разве что мы будем учитывать акциденции». Смысл рассуждения Аристотеля не в том, что лечат как-то с помощью акциденций (как бы это ни понималось), а в том, что слово «человек» можно понимать и в смысле «человек вообще», и в смысле «человек со всеми его свойствами». Иначе говоря, Аристотелю важно провести логические разграничения, а так как логические разграничения для нас принадлежат миру слов, то А. В. Марков допустил вольность, введя «слово». Тогда как А. Т. Юнусов опять говорит о некоторой культуре, о неких типичнейших выражениях, которые опознаются знатоками Аристотеля и сами воспроизводят мысль Аристотеля.

Другой пример оттуда же. Комментируя перевод «Если кто-то знает формулу, но не знает, что происходит, то он знает только общее, а в отдельных событиях разобраться не может, и поэтому часто ошибается при назначении лечения», А. Т. Юнусов замечает:

По Маркову, грамматическая структура переводимого предложения выглядит так: «Если кто-то знает [...], то он знает [...] и поэтому ошибается [...]». На самом же деле предложение имеет структуру: «Если кто-то знает [...] и знает [...], то он ошибается [...]». Иными словами, видимо, Марков, не разобравшись в границах условного периода, просто выдумывает какой-то свой синтаксис (там же: 318).

Но Аристотель не говорит в этой фразе о двух однородных знаниях, но только о том, что ни формулы, ни общие знания недостаточны для профессионализма врача. Конечно, вариант А. В. Маркова синтаксически волен и вполне уязвим, но он позволяет сосредоточиться на условиях профессионализма врача, а не условиях самого знания. Тогда

как для А. Т. Юнусова есть структура условного периода, порождающая смыслы независимо от того, как употребляет ее Аристотель в своих целях — для формулирования новых понятий мысли.

Итак, хотя вполне можно допустить, что А. Т. Юнусов полностью прав в своей критике перевода А. В. Маркова, и более того, что перевод Аристотеля должен выглядеть именно так, как его мыслит А. Т. Юнусов и никак иначе, пока что предложенный в рецензии на перевод А. В. Маркова метод критического исследования далек от совершенства как в смысле философских, так и в смысле литературных задач критики, что не означает, что функционирование и тем более обсуждение этой рецензии не будет продуктивным для исследований античной философии, отрасли какого совершенствования могут определить только историки античной философии. Любой, кто возьмется далее критиковать «Метафизику» Аристотеля в переводе А. В. Маркова, должен будет серьезнее обосновать сам метод критики, чтобы эта критика дала ожидаемые результаты.

Работа Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой производит впечатление вдумчивости и деликатности, благодаря вниманию к особенностям не только мысли, но и стиля Аристотеля. Эта работа, как нам кажется, может войти в некоторый минимум чтения по теме «Аристотель в России», и как культурная программа создания нескольких изданий «Метафизики», так и многие переводческие предложения вызовут только симпатию и одобрение любого доброжелательного читателя, в том числе достигшего или достигшей вершин в изучении античной философии. Но одна филологическая особенность в этой блестящей рецензии смущает, а именно взгляд на перевод А. В. Маркова не с позиции возможных читателей этого перевода, а с олицетворенных позиций греко-латинской образованности. Авторы этой рецензии обсуждают не столько то, что читатель-философ или просто любитель, не изучавший классических языков, узнает из рецензируемого текста, а наоборот, что знаток классических языков увидит в этом переводе такого, что выходит за привычные ему или ей грамматические рамки.

Так, рецензенты недовольны решением А. В. Маркова передать $\alpha\iota\sigma\theta\eta\sigma\epsilon\omega\nu\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ как «чувственное восхищение» и видят в этом результат смешения двух грамматических форм: родительного объекта и родительного субъекта. Считая, что А. В. Марков перевел выражение, поняв его как родительный субъекта, рецензенты приводят два аргумента:

argumentum ex silentio, указывая, что в дошедших до нас текстах родительный субъекта при этом отглагольном существительном не встречается, и аргумент школьной грамматики, что при существительных, образованных от переходных глаголов, родительный объекта более чем вероятен. Но дело в том, что в переводе Маркова вообще нет родительного падежа, а стоит прилагательное, — так что говорить, как именно Марков понял это выражение, нельзя на основании греко-латинской грамматической мерки, но только интерпретируя, что означает «чувственное восхищение». Надо заметить, что применение рецензентами *argumentum ex silentio* при обсуждении того, какие русские обороты допустимы в философских текстах (например, что «готовки» и «тупить» не встречаются в русских философских текстах), не учитывает того простого факта, что текст А. В. Маркова тоже является философским текстом, следовательно, любые словоупотребления А. В. Маркова, включая «готовки» и «тупить» допустимы в русскоязычных философских текстах отныне и во веки веков.

Сравним, какие смыслы передает предложенное переводчиком «чувственное восхищение», а какие — предлагаемое рецензентами «любовь к чувствам». В современном русском языке «чувственное восхищение» — довольно частый оборот, связанный с гедонистическим потреблением: Венеция или ресторанная еда могут это восхищение вызывать. Тогда как выражение «любовь к чувствам» в современном русском языке семантически невозможно, любить можно предметы или действия, тогда как чувства понимаются по умолчанию как эмоции или моменты восприятия. Нам не удалось найти удовлетворительных контекстов, которые объяснили бы русскому читателю, что такое «любовь к чувствам» и тем самым помогли бы понять Аристотеля. Тогда как «чувственное восхищение» сразу говорит о том, что человек любит наслаждаться, потому что любит чувствовать наслаждение, сразу переводит нашу мысль от дающих наслаждение предметов к тем интеллектуальным процессам, которые Аристотеля интересовали. Прочитав «чувственное восхищение», читатель сразу подумает, что человек любит чувствовать, а прочитав «любит чувствовать», читатель уже подумает другое, что что-то недосказано, что нужен объект. Поэтому русское слово «восхищение», не требующее названия объекта, так как описывает состояние, а не завершённое действие, лучше передает мысль Аристотеля, что человек наслаждается самими чувствами. Поэтому формально-грамматическая верность оборачивается семантическими зияниями, тогда как созерцание семантики и ее ограничений при переводе позволяет лучше

передать мысль, а не слово, с опорой на феноменологию состояний, понятную читателю XXI века. Если у Платона и Аристотеля что-то не получалось, то мы должны прийти им на помощь, как к друзьям, а не оставлять в беде их несовершенного грамматического выражения. Сюда же относится, например, идиома «такого качества», которая, по мнению рецензентов, есть притяжательный родительный падеж: «Читая фразу „вода, огонь и такого качества вещи“, невольно думаешь, что речь идет о каких-то вещах, обладающих качествами воды и огня, хотя самом же деле Аристотель просто хотел сказать: „огонь, вода и тому подобное“» (Гринцер, Щербакова, 2019), — тогда как любой носитель русского языка понимает, что так функцию этого родительного падежа понимать нельзя. Например, во фразе «„Вестник древней истории“, „Историко-философский ежегодник“ и такого качества журналы» вряд ли кто-то невольно заподозрит, что эти журналы обладают качествами именно «Вестника древней истории» и «Историко-философского ежегодника», например, что издание того или иного подразделения РАН, а, скорее, подумает об уровне качества, остающегося у этих журналов неизменно высоким, и самое большее — об их тематических и стилистических предпочтениях.

Другой пример, καὶ ἐνδέχεται εἶναι ἀδιαίρετόν τι ὥστε [καὶ οὕτως] καὶ πρὸς ἐκεῖνόν τι ἂπολογία ἔχειν. А. В. Марков переводит как «и допускает какую-то неделимость, приходится все время его извинять», а Н. П. Гринцер и Е. А. Щербакова предлагают «возможно, чтобы нечто было неделимым таким образом, что оно смогло бы защититься от него (Зенона)» (скобки рецензентов). Что следует из предложения переводчика и предложений рецензентов? Переводчик обращается к людям, со школы помнящим апории Зенона, подразумевающие, что все что угодно можно делить до нескончаемости. Но Аристотель, согласно переводу А. В. Маркова, имеет в виду, что рано или поздно даже такой убежденный человек, как Зенон, наткнется на какую-то неделимость, и нам станет за него стыдно, что он противоречит сам себе. Перевод Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой подразумевает, что неделимая вещь опровергает все аргументы против неделимости, включая даже такой сильный аргумент, как Зенон. Но текст Аристотеля не подразумевает никакого сравнения аргументов, а только, что Зенон должен быть готов всякий раз к ситуации спора. Кроме того, олицетворение вещи, которая еще и произносит судебную речь в свою защиту, даже если и подразумевалось Аристотелем (хотя точно установить это невозможно), вряд ли уместно выглядит в русском философском тексте. Так мы подходим

к еще одному моменту рецензий: часто против переводов А. В. Маркова выдвигаются не доказанные теории, а гипотезы, принадлежащие самим рецензентам или по неоговариваемым в самой рецензии основаниям ими разделяемые.

Если рецензия Н. П. Гринцера и Е. А. Щербаковой открыто настаивает только на одной гипотезе, как понимать произведение искусства, созданное Павсоном, которую принудительно требует сделать основанием переводческой интерпретации, хотя скрытых настаиваний, как мы только что сказали, больше, то рецензия А. В. Гараджи и И. А. Протопоповой на перевод «Пира» А. В. Маркова упоминает целый ряд гипотез, принадлежащих уже самим рецензентам, которые переводчик должен был бы учесть. Если не считать некоторого числа *argumenta ad hominem*, например «своих предпочтений и решений [по текстологии греческого оригинала] переводчик никак не объясняет, а может, и вовсе не осознает» (Гараджа, Протопопова, 2019: 267), как будто вообще возможно принять совершенно бессознательное текстологическое решение, или «а быть может, ему кажется, что добавление слова „бытие“ привносит в текст многоумие и философичность» (там же: 277) и подобные попытки чтения в сердце оппонента, пусть с оговоркой «быть может», но вряд ли содействующие стройности аргумента, то в остальном рецензия опять же касается прежде всего точности перевода, семантической и стилистической.

Что удивляет и одновременно восхищает в этой талантливейшей рецензии — это преобладание риторических конструкций несравненно более тонких, чем в рецензии А. Т. Юнусова, но вызывающих не меньший интерес. Так как на них держатся предпочтения в выборе целей критики, того, что критикуется: семантическая неточность, вольности синтаксиса или особенности интерпретации, то необходимо разобрать, насколько такие конструкции отвечают той требуемой строгости аргументации, которая только и позволяет направить критику на нужные предметы. Разберем один пример яркой риторики рецензентов:

Во-первых, он [А. В. Марков] постоянно смешивает Эрота как персонификацию, то есть бога (или, по словам Диотимы, даймона, а по-марковски «духа»), с эросом как соответствующим проявлением у людей и героев, в природе и т. д. Иногда эта «эротическая неразличимость» соответствует неверно переданной грамматике. Рассказ Федра о том, как Алкестида решила умереть вместо мужа, а боги, восхищенные ее поступком, дали ей вернуться из Аида, завершается выводом, что боги больше всего почитают рвение и доблесть ради эроса (179d1—2: θεοὶ τὴν περὶ τὸν ἔρωτα σπουδὴν τε καὶ ἀρετὴν μάλιστα τιμῶσιν).

У Маркова же читаем: «Так что боги глубоко признательны пристрастному и доброму Эросу». Здесь боги вместо того, чтобы вознаградить бесстрашную и верную Алкестиду, признательны своему «коллеге» (так у Маркова называет Эроса Сократ в 212b), то есть в переводе полностью извращена тема награды / возмездия богов в отношении «эротических поступков» (Алкестиды — Орфей — Ахилл) (Гараджа, Протопопова, 2019: 278).

Перед нами прекрасный пример хорошей, высокой и продуманной риторики. Сначала идет фигура пугающей фатальности: А. В. Марков что-то смешал, и появилась «эротическая неразличимость», и мы никогда не будем знать, что такое эрос. Далее идет фигура привлечения к ответственности: тут смешать было нельзя, но преступный Марков, неверно поняв грамматику, должен понести за это полную ответственность. Далее идет объективирующее описание, создание некоторой картины, в которой есть свои завершающие выводы, что сразу заставляет читателя рецензии поверить в истинность этой картины — раз из нее даже выводы делаются. И наконец, идет фигура скуки: Марков наделал что-то невразумительное, и об этом говорится несколько конспективно, чтобы отвращение к Маркову возникло при словах «полностью извращена» — непонятно, чего Марков хочет, понятно, что он все извращает. Таким образом, этот абзац — образец судебной, обвинительной риторики, и в этом качестве может даже войти в профильные учебники. Но может ли он войти в платоноведение?

Стремительный переход в этом пассаже от разбора семантики к синтаксису и далее — к интерпретации не дает возможности заметить сразу, как надо и как не надо трактовать фигуру Эроса. Даже не разбирая филологический вопрос, когда слово «эрос» используется нарицательно (замечу, что Н. П. Гринцер и Е. А. Щербакова протестовали в своей рецензии против характеристики условных имен в «Метафизике», как обижающей современников и предшественников Аристотеля, о которых думал последний), Платон удивился бы, не говоря о Сократе, если бы счел бога Эроса персонификацией — до того, чтобы считать чтимых ими богов персонификациями, не дошли бы они, более того, даже Мелет и Анит не посмели бы обвинить в этом Сократа, все же они обвиняли его в нечестии, а не в абсурде, чтобы считать реально существующего Эроса всего лишь персонификацией отвлеченного начала. Далее, по-русски нельзя сказать «проявление», не уточнив проявление чего, да и в других языках это был бы смелый эллипсис, оправданный разве что чрезвычайными философскими задачами, которые в рецензии никак не

оговорены. У людей и героев, в природе и т. д. — эту фразу рецензентов мы понять затрудняемся, почему это люди и герои не относятся к природе, и относятся ли боги к «и т. д.». Наконец, о наградах богов Платон ничего не говорит, скорее уж они сделали Алкестиду вечным примером, и это А. В. Марков и передал как признательность Эросу: если мы признательны человеку, который сделал для нас вазу, мы ставим вазу на видное место в своем доме. Если в переводе А. В. Маркова пропал риторический театр, в котором боги награждают и мстят у всех на глазах, и мы должны это воображать, то в предложении рецензентов, как кажется, пропадает идея образца, о которой Платон не мог не думать. Конечно, А. В. Гараджа и И. А. Протопопова могут представить доказательства, что там нет мысли об образце, более того, эти доказательства научное сообщество может принять, не приняв предложение А. В. Маркова, но вряд ли в риторическом театре всем будет так же уютно, как прежде.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Маркова. — М. : РИПОЛ-Классик, 2018.
- Гараджа А. В., Протопопова И. А.* «Что-то смешное на нас напало» : о новом переводе платоновского «Пира» // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. — 2019. — Т. III, № 1. — С. 265–285.
- Гринцер Н. П., Щербакова Е. А.* Аристотель. Метафизика. Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарий А. В. Маркова. М., 2018 // *Вестник древней истории*. — 2019. — Т. 79, № 1. — URL: <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517-1-1> (дата обр. 26 мая 2019).
- Месяц С. В.* Искушение буквализмом, или Каким должен быть перевод античной философской классики? // *Историко-философский ежегодник*. — 2018. — Т. 33. — С. 5–37.
- Юнусов А. Т.* «Бессильная невозможность». О новом переводе «Метафизики» Аристотеля // *Историко-философский ежегодник*. — 2018а. — Т. 33. — С. 361–385.
- Юнусов А. Т.* Гипотезы как предикативные начала доказательного знания во «Второй Аналитике» Аристотеля // *Историко-философский альманах*. — 2018b. — № 6. — С. 81–97.

Markov, A. V. 2019. “Da, eto Platon i Aristotel’ [There Is Plato and Aristotle Indeed]: otvet na retsenzii [Reply to My Critics]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] III (2), 253–273.

ALEKSANDR MARKOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOLOGY; FULL PROFESSOR AT THE RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES (MOSCOW)

THERE IS PLATO AND ARISTOTLE INDEED

REPLY TO MY CRITICS

YUNUSOV, A. T. 2018. “‘BESSIL’NAYA NEVOZMOZHNOST’”. O NOVOM PEREVODE ‘METAFIZIKI’ ARISTOTELYA [‘A POWERLESS IMPOSSIBILITY’. A REVIEW OF A. V. MARKOV’S TRANSLATION OF ARISTOTLE’S ‘METAPHYSICS’]” [IN RUSSIAN]. *ISTORIKO-FILOSOFSKIY YEZHEGODNIK* 33:361–385

GRINTSER, N. P., AND YE. A. SHCHERBAKOVA. 2019. “ARISTOTEL’. METAFIZIKA. PEREVOD S DREVNEGRECHESKOGO, VSTUPITEL’NAYA STAT’YA I KOMMENTARIY A. V. MARKOVA. M., 2018 [A REVIEW OF: ARISTOTLE. METHAPHYSICS. TRANS. BY A. MARKOV. MOSCOW, 2018]” [IN RUSSIAN]. *VESTNIK DREVNEY ISTORII* 79 (1). ACCESSED MAY 26, 2019.

<http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517--1-1>.

GARADZHA, A. V., AND I. A. PROTOPOPOVA. 2019. “‘CHTO-TO SMESHNOYE NA NAS NAPALO’ [‘SOMETHING FUNNY ATTACKED US’]: O NOVOM PEREVODE PLATONOVSKOGO ‘PIRA’ [THE NEW TRANSLATION OF PLATO’S ‘SYMPOSIUM’]” [IN RUSSIAN]. *FILOSOFIYA. ZHURNAL VYSSHEY SHKOLY EKONOMIKI* [*PHILOSOPHY. JOURNAL OF THE HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS*] III (1): 265–285

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-2-253-273.

REFERENCES

- Aristotel’ [Aristotle]. 2018. *Metafizika* [*Metaphysics*] [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by A. V. Markov. Moskva [Moscow]: RIPOL-Klassik.
- Garadzha, A. V., and I. A. Protopopova. 2019. “‘Chto-to smeshnoye na nas napalo’ [‘Something Funny Attacked Us’]: o novom perevode platonovskogo ‘Pira’ [The New Translation of Plato’s ‘Symposium’]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [*Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*] III (1): 265–285.
- Grintser, N. P., and Ye. A. Shcherbakova. 2019. “Aristotel’. Metafizika. Perevod s drevnegrecheskogo, vstupitel’naya stat’ya i kommentariy A. V. Markova. M., 2018 [A Review of: Aristotle. Methaphysics. Trans. by A. Markov. Moscow, 2018]” [in Russian]. *Vestnik drevney istorii* 79 (1). Accessed May 26, 2019. <http://ras.jes.su/vdi/s032103910004517--1-1>.
- Mesyats, S. V. 2018. “Iskusheniye bukvalizmom, ili Kakim dolzhen byt’ perevod antichnoy filosofskoy klassiki? [The Temptation of Literalism, or What Should be the Translation of Ancient Philosophical Texts?]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* 33:5–37.
- Yunusov, A. T. 2018a. “‘Bessil’naya nevozmozhnost’”. O novom perevode ‘Metafiziki’ Aristotelya [‘A Powerless Impossibility’. A Review of A. V. Markov’s Translation of Aristotle’s ‘Metaphysics’]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik* 33:361–385.
- . 2018b. “Gipotezy kak predikativnyye nachala dokazatel’nogo znaniya vo ‘Vtoroy Analitike’ Aristotelya [Hypotheses as Predicative Basics of Demonstrative Knowledge in the Posterior Analytics by Aristotle]” [in Russian]. *Istoriko-filosofskiy al’manakh*, no. 6: 81–97.